

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Преступления в последние годы становятся все более изощреннее, часто массовые, с большим количеством потерпевших либо требующие большого объема работы в ходе производства предварительного расследования, в связи с чем необходимость создания следственных групп при расследовании подобных преступлений становится все более актуальной. Следует согласиться с К.Ю. Долгих относительно того, что изменить всю осложняющуюся криминогенную обстановку в стране уже невозможно без коллективных форм предварительного расследования. Однако деятельность следственной группы недостаточно процессуально урегулирована. Причем недостатки связаны как с процессуальной формой, так и с организационной составляющей процесса расследования. И.А. Попов отмечает, что необходимо принятие мер по совершенствованию методического и организационного обеспечения деятельности следователей и сотрудников оперативных подразделений.

В ч. 1 ст. 163 УПК РФ закреплена возможность поручения следственной группе производства предварительного следствия по уголовному делу в случае его сложности или большого объема. Кроме того, ч. 2 ст. 163 УПК РФ предусмотрено право привлечения к работе следственной группы должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Вопрос о том, какова же сама форма такого привлечения, законодатель оставил на усмотрение практических сотрудников, осуществляющих производство предварительного следствия.

В настоящее время сложно, скорее даже невозможно, найти уголовное дело, в расследовании которого не принимали бы участие сотрудники оперативно-розыскных подразделений, поскольку взаимодействие следователя и оперативных сотрудников обусловлено наличием у последних несвойственной следователю оперативно-розыскной функции.

Несмотря на отсутствие в УПК РФ норм, посвященных формам взаимодействия следователя следственной группы и оперативных сотрудников, следует согласиться с Л.П. Плесневой, что в целом характер деятельности следственных групп не противоречит нормам уголовно-процессуального законодательства, указывающих на обязанность органа дознания выполнять поручения следователя о производстве оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий, а также оказывать содействие при их осуществлении.

Учитывая, что дача письменных поручений является одной из форм взаимодействия следователя следственной группы и сотрудников оперативно-розыскных подразделений, необходимо отметить, что относительно производства расследования следственной группой данная форма взаимодействия является недостаточной.

Во-первых, любое письменное поручение следователя дается начальнику органа дознания, который самостоятельно решает, кто из сотрудников органа дознания будет его исполнять. Из этого следует, что разные поручения следователя по одному и тому же уголовному делу могут быть отданы на исполнение разным сотрудникам органа дознания, что может отрицательно сказаться на результатах расследования. Разумеется, речь идет не о безграмотности начальника органа дознания, а, скорее, о некомплекте штатов, однако распределение поручений каждому сотруднику должно соответствовать не только его загруженности, но и его опыту в раскрытии конкретных видов преступлений. Ведь гораздо эффективнее работа, выполненная одним (или несколькими) сотрудником от начала до конца, т. е. руководителю органа дознания следует для расследования каждого уголовного дела на этапе планирования закреплять определенного сотрудника (группу сотрудников) оперативно-розыскного подразделения за каждым уголовным делом. При расследовании сложных уголовных дел, как правило, такое неофициальное закрепление имеется, однако законодательное урегулирование такой обязанности начальника органа дознания может существенно облегчить процесс расследования.

Во-вторых, множество вопросов вызывает законодательно установленный срок исполнения поручений, который в соответствии с ч. 1 ст. 152 УПК РФ составляет 10 суток, несмотря на то что ряд поручений (например, о производстве обыска или выемки) должен быть исполнен незамедлительно, поскольку часть следов и предметов, имеющих значение для расследования уголовного дела, могут быть утрачены не только за 10 суток, но и за более короткий срок. Указанное означает, что законодательное закрепление 10-дневного срока исполнения поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий нецелесообразно. Полагаем, что срок исполнения поручения должен устанавливать следователь, что и необходимо закрепить в УПК РФ.

Рассматривая процессуальную регламентацию взаимодействия следователя следственной группы и оперативно-розыскных подразделений, следует также отметить, что ст. 163 УПК РФ предусматривает возможность создания только следственной группы, при этом определение понятия «следственно-оперативная группа» уголовно-процессуальное законодательство не дает, хотя ведомственные нормативные правовые акты закрепляют правовую основу деятельности следственно-оперативной группы.

Дискуссия о необходимости создания следственно-оперативной группы и закрепления деятельности последней в уголовно-процессуальном законодательстве в науке уголовного процесса ведется с момента вступления УПК РФ в законную силу. Так, М.М. Хамгоков отмечает, что следственно-оперативные группы создаются для лучшей организации деятельности по раскрытию и расследованию тяжких и особо тяжких преступлений в случае их сложности или большого объема.

Важным фактором в пользу возможности создания не только следственной, но и следственно-оперативной группы (с закреплением законодательного статуса в УПК РФ) является эффективность включения в состав следственно-оперативной группы отдельных сотрудников органа дознания, которые будут участвовать в производстве расследования, начиная с плани-

рования расследования и заканчивая направлением уголовного дела в суд (его прекращения, приостановления и т. д.). Такие сотрудники будут нести персональную ответственность за совершаемые ими процессуальные действия в рамках расследуемого уголовного дела. Более того, каждому оперативному сотруднику будет определен круг работы, а, значит, следователю не придется каждые 10 дней давать поручения органу дознания.

Рассмотренные пробелы уголовно-процессуального закона, связанные с регламентацией взаимодействия следователя следственной группы и оперативно-розыскных подразделений, позволяют понять, что на практике могут возникать (и возникают) процессуальные и организационные трудности при производстве предварительного следствия следственной группой. Однако эффективность задач по борьбе с преступностью, решаемых следователем и органом дознания, всецело зависит от объединения процессуальных усилий следователя следственной группы и оперативно-розыскных возможностей сотрудников органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

УДК 343.133

Ю.С. Климович

О НОВЫХ ИСТОЧНИКАХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ученые-процессуалисты и практикующие юристы за несколько десятилетий применения действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, наверное, уже успели привыкнуть к его частым трансформациям. Вместе с тем нельзя сказать, что в их основе всегда лежит прочная теоретическая основа как гарантия появления согласованного и непротиворечивого нормативного материала. Так, в 2020–2021 гг. ч. 2 ст. 88 УПК, регулирующая ключевое для отечественного доказательственного права понятие «источники доказательства», в несколько этапов была дополнена их новыми разновидностями. Самостоятельным источником доказательств названы звуко- и видеозапись показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, а вместо протоколов оперативно-розыскных мероприятий как источников доказательств в закон включены материалы оперативно-розыскной деятельности. Начнем с анализа последних.

В отечественных учебниках по уголовному процессу традиционно и по сей день красной нитью проходит утверждение о нетождественности уголовно-процессуального доказывания и оперативно-розыскного познания, что в полной мере соответствует известной нам структуре правоохранительных органов с их четким «разделением труда» на следственную и оперативно-розыскную функцию. С советских времен теоретически обоснована и формализована в законе концепция, что доказательства могут быть получены только в ходе уголовно-процессуальной деятельности, в том числе на ее досудебном этапе, и только способами, описанными в УПК. Именно поэтому прямая фиксация материалов оперативно-розыскной деятельности в качестве источников доказательств вызывает массу вопросов. Еще больше вопросов возникает, когда сравнивается это положение со ст. 101 УПК, где сказано, что материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, только «могут быть признаны в качестве источников доказательств» при соблюдении условий уголовно-процессуальной формы. Считаем невозможным игнорировать столь очевидное законодательное противоречие по одному из принципиальных вопросов доказательственного права.

Источники доказательств в отличие от следов преступления не появляются одновременно с фактом совершения преступления. Они носят «рукотворный», процессуальный характер, т. е. создаются исключительно уполномоченными на это государственными органами в ходе уголовного процесса и в предусмотренной им форме. Именно их наличие обеспечивает допустимость использования различных сведений в доказывании. Это своего рода упаковка сведений и данных о событии преступления, благодаря которой их можно использовать для принятия важнейших юрисдикционных решений. Включение в перечень источников доказательств материалов оперативно-розыскной деятельности стирает естественную для догматики отечественного уголовного процесса границу между уголовно-процессуальным и оперативно-розыскным доказыванием. Материалы оперативно-розыскной деятельности должны использоваться в доказывании только после обретения формы одного из известных источников доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, что предполагает их предварительную проверку и оценку процессуальным способом.

Включение звуко- и видеозаписи показаний в ч. 2 ст. 88 УПК формально возводит их в ранг самостоятельных источников доказательств, которые могут существовать без показаний, отраженных в протоколах следственных действий. Иначе какой смысл было дополнять закон? Ведь и прежде использование этих технических средств нормативно не запрещалось. Однако, очевидно, что это не так. Нельзя следователю записать ответы допрашиваемого на диктофон и непосредственно использовать их в доказывании, так как ст. 219 УПК «Применение звуко- и видеозаписи при допросе», как и ранее это было в законе, требует зафиксировать данные с помощью протокола, т. е. получить показания как источник доказательств. Таким образом, звуко- и видеозапись по сей день остается только средством подтверждения показаний, но не самостоятельным источником доказательств. Глубинная причина сохранения статус-кво в том, что прежде чем перейти к звуко- и видеозаписи как к самостоятельному средству доказывания, законодателю нужно будет отказаться от протокольно-письменной формы получения доказательств. Их параллельное существование в одном и том же процессуальном кодексе лишено всякого смысла. Однако это уже иная, несвойственная для отечественного уголовного процесса свободная модель доказывания, необходимость перехода к которой совсем неоднозначна.

Приведенные примеры реформирования УПК показывают, что им должна предшествовать теоретическая проработка, особенно, когда речь идет о ключевых моментах уголовно-процессуального права.